

А.А. ВИННИЧУК

**КРУГ ИДЕЙ РУССКОГО ПОСТМОДЕРНИЗМА (НА МАТЕРИАЛЕ
СОВРЕМЕННОЙ ФИЛОСОФСКОЙ ПУБЛИЦИСТИКИ)**

Целью настоящей работы является анализ идей русского постмодернизма, отражённого в публицистическом творчестве. Автор опирается на метод философской рефлексии; с помощью историко-генетического метода рассмотрено возникновение и развитие направления постмодернизма в русской философской публицистике, проанализировано, как в современной философской публицистике происходило восприятие концепций постмодернизма. В результате определён основной круг идей русского постмодернизма как одного из ведущих направлений отечественной мысли 90-х и начала 2000-х годов, проанализированы особенности именно русского постмодернизма, рассмотрена одна из важнейших функций философской публицистики, которая реализована в творчестве публицистов русского постмодернизма – функция прогностическая, то есть предсказания будущего, а именно путей социально-исторического развития России.

Ключевые слова: *русская философская публицистика, постмодернизм, постлогоцентризм, русское коллективное бессознательное, паралогичность русского постмодерна, неустранимость семиотического механизма*

Винничук Александр Александрович – очный аспирант кафедры теории культуры, этики и эстетики, Институт философии и социально-политических наук Южного федерального университета. E-mail: a250290@ya.ru

A.A. VINNICHUK

**IDEAS OF RUSSIAN POSTMODERNISM
(BASED ON CONTEMPORARY PHILOSOPHICAL PUBLICISM)**

The purpose of this work is to analyze the ideas of Russian postmodernism reflected in the publicism. The author relies on the method of philosophical reflection; with the help of historical-genetic method he reveals the origin and development of postmodernism in the Russian philosophical publicism, and also considers the perception of postmodernist concepts in the modern philosophical publicism. As a result, the author determines the main features of Russian postmodernism and distinguishes the important function of philosophical publicism, actualized in the works of Russian publicists, - the function of predicting the future, especially the ways of Russian social and historical development.

Keywords: *Russian philosophical publicism, postmodernism, postlogocentrism, Russian collective unconscious, paralogous Russian postmodernism, indispensability of the semiotic mechanism*

Aleksandr A. Vinnichuk – postgraduate student at the Department of the Theory of Culture, Ethics and Esthetics, Institute of Philosophy and Social-political Sciences of Southern Federal University. E-mail: a250290@ya.ru

Философская публицистика удовлетворяет общественный запрос на смысловое постижение жизни. Она фиксирует возникновение и развитие идей, влияющих на современную действительность, моделирует будущее, определяет траекторию дальнейшего социально-исторического пути. Философская публицистика обращается к сущностным, бытийным вопросам, влияет на формирование ценностных ориентиров, способствует укреплению тех или иных социальных мифов. Принято считать, что русская философская публицистика берёт начало с появления «Философских писем» Петра Яковлевича Чаадаева, в которых он поставил вопросы о судьбах России, до сих пор волнующих большинство думающих людей.

Современная русская философская мысль, отражённая в публицистическом творчестве, выражает противоречивые устремления общества. С одной стороны, не прекращаются попытки найти обоснование духовности в русской православной традиции. Ярким примером этого является «Неопатристический синтез» Сергея Хоружего (1994), отмечавшего, что Россия сформировалась на базе византийского православия, последним творческим взлётом которого был исихазм – мистика безмолвной молитвы и ментального созерцания Фаворского света. Так как исихазм не получил развития из-за внешних причин (гибель Византии под натиском турок), то русская культура должна взять на себя миссию продолжения этой традиции.

С другой стороны, русская философская мысль существует в рамках мировой философии и развивает идеи таких современных направлений как постмодернизм и феноменология, задействуя философские категории для истолкования повседневного бытия.

Сегодня, когда Россия и весь мир сталкиваются с различными проблемами глобального существования: религиозными, политическими, экономическими, нравственными и т.п., значимость философской публицистики особенно актуальна. Некоторые из этих проблем уже осмысливались в прошлом, другие поставлены в тот исторический период, который принято называть «современностью».

Важное место в русской публицистике постмодерна отведено роли не только идей и учений, но и коллективного бессознательного в социально-историческом процессе, судьбе России. В культурфилософском и психоаналитическом ключе интерпретируются философами-постмодернистами «русские мифы». То, что советское идеологизированное государство прекратило своё существование, в очередной раз создаёт ситуацию, при которой новая Россия также начинает нуждаться в некоей государственной идеологии как составной части национальной идеи. Это вызывает антагонизм у той части современных философских публицистов, которые отнесены нами к публицистам русского постмодерна.

Михаил Эпштейн – российский философ, культуролог, литературовед, эссеист, публицист, заслуженный профессор теории культуры и русской литературы университета Эмори (Атланта), автор свыше 20 книг и более 600 статей и эссе, переведённых на 15 иностранных языков, лауреат Премии Андрея Белого 1991 года и премии «Liberty» за вклад в русско-американскую культуру 2000 года, рассуждая о рецепции идей постмодернизма в русской культуре, полагает, что *симулятивность* вообще является доминантой русской культуры со времён крещения Руси. С этой точки зрения социалистический реализм представляет собой первую стадию перехода от модернизма к постмодернизму [1]. Если проследить развитие данной идеи в исторической перспективе, то она, возможно, восходит к единой магистральной линии, заданной Чаадаевым и продолженной позднее позитивизмом последней трети 19 века и марксистами.

Эпштейн, рассуждая о русском постмодернизме, говорит о нём не только как о синониме советской, но и, по сути, всей

русской культуры Нового времени. Для него постмодернизм, о котором на Западе говорят с начала 1970-х годов, а в России только с начала 1990-х, по сути, – глубоко российское явление.

По Эпштейну, самый главный вопрос, над которым бьётся русская мысль от Пушкина до Толстого, – это вопрос о личности и народе или о «себе и других» (эссе «Язык бытия у Андрея Платонова»). Роль Александра Пушкина в том, что он сумел разграничить две правды – правду личности и правду истории, человека и государства, утверждая неоспоримость каждой из них в её собственной сфере. Весь пафос «Медного всадника» и «Капитанской дочки» – в сосуществовании и несводимости этих двух правд одну к другой: Петра и Евгения, Пугачева и Гринева. Пушкин, замечает публицист, как бы лишил русскую культуру её докритической невинности и просветительского благодушия, как когда-то Кант немецкую философию.

Необходимо оговориться, что ядро подхода Эпштейна к изучению культуры заключается в том, что он связывает устройство языка с определёнными чертами, присущими тому или иному народу: язык народа есть его дух, а любая общественная деятельность тождественна деятельности языка. А, значит, и анализ процессов общественной жизни не может проходить в отрыве от анализа языка, который описывает эти процессы.

Чтобы проиллюстрировать данное положение, Эпштейн анализирует грамматическую категорию переходности глагола в русском языке. Преобладание в русском языке непереходных глаголов всё больше упрочивает становление в России непереходного мировоззрения, для которого вещи случаются, происходят, движутся сами собой. Непереходные глаголы всегда замкнуты на самом деятеле, это не действие, а состояние. Для примера Эпштейн выбирает два глагола «работать» и «трудиться», оба непереходные. То, что человек работает, не значит ещё, что он что-то делает, производит (переходные глаголы): *Вся страна по имени СССР работала и трудилась, а вот что при этом делалось, вырабатывалось, производилось?* [3].

Ещё один пример связан с выражением в языке отношений собственности: в русском языке подобные отношения выражаются непереходной конструкцией («у меня есть дом»), в европейских – переходной («я имею дом»). Мир непереходных глаголов по Эпштейну – *сновидческий мир, в котором лица и вещи наделены самочинными свойствами и спо-*

собностями, *непереходящими в дело* [3]. Поэтому и знаменитый глагольный вопрос «что делать?», требующий развитого транзитивного (переходного) мышления, исторически в России остаётся без ответа. Такова скрытая идеология языка, которая выходит на поверхность в крылатых выражениях наподобие чернобырдинского парадокса «хотели как лучше, а получилось, как всегда». Грамматика этого выражения уникальна, она сочетает личную форму глагола «хотели» и безличную форму глагола «получилось».

Когда Эпштейн говорит об историческом пути России, он олицетворяет страну с биологическим организмом. Для характеристики современной политической ситуации Эпштейн выбирает биологическую метафору из теории эволюции – «обнадёживающий урод», введённую американским генетиком Р. Гольдшмитом. «Обнадёживающий урод» в биологии – это мутирующий организм, сильно отличающийся от нормального, но в перспективе способный быстро адаптироваться к изменившимся условиям среды и дать начало новым таксонам. Эпштейн подчёркивает, что данное словосочетание является оксюморном, что в очередной раз доказывает связь между явлениями во внешней действительности и языке, который не может не меняться в процессе её отражения.

Эпштейн делает допущение, согласно которому макромутации могут происходить не только в отдельных животных, но и охватывать целые этносы. Так, у России, пережившей за прошлый век четыре революции и три войны, на лицо все признаки «вредных социальных мутаций». Но наряду с этим, утверждает он, есть и такие мутации, которые, с точки зрения развитых западных стран, могут считаться аномальными, но при этом способны стать толчком для нового роста. Например, это такие черты российского этноса, как высокая адаптированность к минимальным условиям существования, способность выносить предельные нагрузки, привычка жить в состоянии постоянного хаоса, ориентир на духовность и духовные ценности, в негативном своём аспекте способный формировать сильные дружеские и родственные связи, неподдающиеся официальному контролю – «блат» и прочие теневые отношения в экономике, маргинализации населения, увеличения числа всякого рода чудаков, юродивых, людей с патологическим поведением, в перспективе дающих набор прекрасных жизненных альтернатив. Поэтому в условиях глобальной мировой ка-

тастрофы «обнадёживающий урод» (данная метафора-оксюморон стоит в одном образном ряду с главным русским архетипом Иваном-дураком) может показать феноменальные черты к выживаемости. Также роковые ошибки в генетическом коде российской цивилизации, вылившиеся в её отставание от западного мира, станут полезны, например, в ситуации победы машин над людьми или в условиях межпланетной войны – Россия со своими прорехами в индустриальном развитии сможет стать оплотом новой самоорганизации человечества.

Ещё один крупный представитель русского постмодернизма Вадим Руднев – современный филолог и философ, ученик Ю.М. Лотмана, Б.М. Гаспарова и В.Н. Топорова. Руднев работал заведующим отделом культурологии литературного журнала «Даугава», заместителем главного редактора «Художественного журнала», ответственным секретарём философского журнала «Логос», научным консультантом и редактором телевизионной программы Александра Гордона на НТВ, научным консультантом и соведущим телевизионной программы «Чёрный квадрат». Он является автором более десятка книг по теории литературы, философии, психопатологии (психосемиотике) и ряда публицистических статей.

Руднев склонен полагать, что не реальность определяет язык, на котором об этой реальности говорят, а язык каждый раз по-новому членит и даже меняет реальность. Так, психологами было замечено, что простая смена табличек в метро с таблички «Выхода нет» на табличку «Выход рядом» может значительно сказаться на числе самоубийств в Лондоне. Поэтому и анализ процессов общественной жизни не может проходить в отрыве от анализа языка, посредством которого описываются эти процессы. Язык при таком понимании не является лишь побочным средством разрешения некоторых частных проблем общения и мышления, потому что люди живут не столько в объективном мире вещей и не столько в мире общественной деятельности, как это обычно полагают, а находятся под влиянием того языка, который является средством общения для данного общества.

Вадим Руднев связывает ментальность целых народов с психотипами человеческого характера. Например, спорит с расхожим определением русских как психастенической нации (характерный герой-психастеник выведен А.П. Чеховым). Этот психологический тип отличается чрезмерная мнительность, нерешитель-

тельность, слабость инициативы, с одной стороны, и высокая нравственность, с другой. Руднев, напротив, характеризует русскую ментальность как психопатическую (диссоциальное расстройство личности), что вселяет гораздо меньше оптимизма. Ведь самая главная характеристика психопатической личности – несоответствие между социальными нормами и поступками. Как следствие, общечеловеческие, гуманистические ценности всегда вызывают у русских отпор, отчего в русской культуре так много уделено поиску собственного пути и собственной идентичности, а наибольшие подьёмы русская нация способна испытывать в минуты острейшей конфронтации с Западом и его ценностями, которые представляются нам бездуховными.

Этот же приём Вадим Руднев применяет к анализу современной политики. С его точки зрения, Дмитрий Медведев представляет собой классический пример циклоида-сангвинника, добродушно-экстраверта, Владимир Путин в психотипической матрице – аутистичный шизоид, но шизоид прагматический, мозаичный, парадоксальный тип, несравненно более сильный, чем просто сангвиник.

В статье «Поэтика деперсонализации» (напечатана в журнале «Логос») Вадим Руднев вводит понятие деперсонализационного национального характера, классический пример которого – английский характер (холодный, невозмутимый, ничему не удивляющийся тип). Деперсонализацию характеризует полная потеря аффектов у человека и главное самого последнего аффекта – страдания по этой потере. При этом деперсонализация способна снять оппозиции между важнейшими жизненными понятиями (радость и печаль, хорошо и плохо, жизни и смерть), а это вводит сознание в мифологическое состояние, тем самым защищая его от враждебной реальности. Как явление речевой деятельности, деперсонализация предполагает чувственное, интеллектуальное усреднение: человек перестаёт понимать различие между хорошим и дурным поступком, различать реакции других, понимать культурные конвенции.

Самым известным романом деперсонализации является «Война и мир» Л.Н. Толстого, а для самого Толстого как для типичного руссоиста, то есть типичного представителя русской культуры, деперсонализация, «разрушающая конвенции» (к примеру, такие, как «общественный договор» Ж.Ж. Руссо, во многом являющийся основой европейских конституций) является несомненным благом.

Сфера аффекта целиком построена на конвенциях. Толстой же не понимает, где кончаются эти конвенции и начинается деперсонализованное «всё равно». Но без неискренности и даже лжи речевая игра, отличающаяся приверженностью к конвенции, то есть к некоей условности (более того, сам язык – явление строго конвенциональное, замечает Руднев), вообще невозможна. Так, неискренность светской беседы превращается для Толстого в нечто механически бессмысленное.

Во многом, утверждает Руднев, из идейного тупика XIX века русская культура выходила двумя путями: первый был связан как раз с деперсонализацией, усвоенной из романов Л.Н. Толстого (по этому пути пошла течения символизма и футуризма), второй, наоборот, с нагнетанием аффекта (акмеизм и др.), источником которого выступило творчество Ф.М. Достоевского.

Постепенно русская послереволюционная культура вырабатывает собственную идеологию-мифологию, и эта мифология не романтического, а, скорее, классицистического плана. В целом она ближе тому пути, по которому в своём творчестве шёл Лев Толстой.

Как известно, основным конфликт в идеологии классицизма – это конфликт между долгом и чувством, при этом долг неизбежно побеждает. В таких произведениях как «Цемент» Ф. Гладкова, «Как закалялась сталь» Н. Островского, «Повесть о настоящем человеке» Б. Полевого герои отказываются от любви во имя революции, как бы преодолевая в себе все аффекты, присущие обычному человеку. Такой герой, поощряемый властью, вообще теряет человеческую плоть, превращаясь в робота – нечто подобное происходит уже с Павлом Корчагиным, героем романа «Как закалялась сталь». Наиболее выпукло эту мифологему завершает Алексей Мересьев, «настоящий человек», заменивший и «маленького человека», и «лишнего человека», и «нового человека» русской литературы XIX в. Настоящий человек в такой культурной парадигме – это технологический мутант: Мересьеву отрезают ноги, а он продолжает оставаться лётчиком, более того, сливается с машиной.

Вадим Руднев выявляет роль не столько идей и учений, сколько коллективного бессознательного в социально-историческом процессе, поэтому он изучает механизмы российской рекламы 90-х – 2000-х годов, в которой фактор неустранимости коллективного бессознательного проявляется довольно ярко.

В статье «В компании с толстяком: реклама и текст» (журнал «Отечественные

записки») Руднев анализирует приёмы создания рекламы, отождествляя модификацию речевых структур в ней с коренными изменениями в общественной жизни. Изначально русская реклама, появившаяся в начале 90-х, заявляет он, удовлетворяла нарративный голод – «рассказывала истории». Она скорее не рекламировала товары, а выполняла функцию отсутствующей массовой нарративной культуры и фольклора, а аудитория такой рекламы состояла из тех же людей, которые привыкли слушать пространные речи Брежнева и Горбачёва. Многословная и затейливая русская реклама, которую было интересно смотреть, но невозможно понять, отражала общую невротическую ситуацию, характерную для российского общества того времени.

В культуре воцаряется тотальное «что» вместо тотального «как» советской эпохи (советская литература должна была учить жить, формируя положительные идеалы). Патологическая тяга к рассказыванию историй в рекламе 90-х имеет выраженный психотерапевтический характер, утверждает философ.

Так, в рекламе «Банка империял», где полководец Суворов назидательно стучит ложкой по тарелке и восклицает «Ждём-с», отражены чаяния того времени – ожидания лучшего, перемен, благополучия. И для сравнения одна из самых популярных реклам уже 2000-х – реклама пива «Толстяк», что даже породило комичную ситуацию: практически каждый русский человек на вопрос «Где ты был?» хотя бы один раз отвечал крылатой фразой из неё («Пиво пил!»). Можно связать популярность этого «пиво пил» со сменой «экзистенциального лозунга эпохи» – время ожидания («ждём-с») сменяется в массовом сознании временем забвения, ведь отсутствие каких-либо изменений в политической жизни ведёт к тому, что человек теперь старается просто убить время. Образ Толстяка из этой рекламы олицетворяет излюбленного русского героя Илью Муромца.

Русская реклама как всякий психотерапевтический дискурс является защитным механизмом от страха смерти, что выражается в характерной формуле из ролика, рекламирующего Спрайт «не дай себе засохнуть», то есть, расшифровывает Руднев, не поддавайся жизненной правде, живи вымыслом, иллюзией и т.п.

Точку зрения Вадима Руднева о тесном переплетении текстов культуры и модусов человеческого бессознательного продолжает Михаил Ямпольский – филолог, философ, профессор Нью-Йоркского

университета, лауреат премии Андрея Белого. Публицист анализирует состояние современного российского общества в психоаналитических категориях Фрейда. Смещение, замещение, Эдипов комплекс, символическая кастрация, рессентимент для него не просто понятия, которые возможно применить в рамках психоаналитической науки. Они используются Ямпольским затем, чтобы показать характерную политическую ситуацию современной России. Это связано с убеждённой Ямпольского в том, что люди, живущие в одном обществе и говорящие на одном языке, обладают общим коллективным бессознательным: логика абстрактных идей в понимании Ямпольского аналогична феноменологии человеческого тела, которую он разрабатывал в ряде своих книг.

Российское общество, убеждён Михаил Ямпольский, расколото на два полярных лагеря: на тех, кто хочет перемен, и тех, кто держится кто за последнюю соломинку неподвижности и стабильности в лучших традициях политических и государственных структур социализма. Вторая категория, называемая первой «быдлом», «чернью», «ватниками» не представляет собой монолита. В ней, сами того не понимая, скооперировались между собой как те, кто обладает доступом к властной кормушке, так и те, которые в силу своих психологических особенностей боятся потерять немного из того, что у них есть.

Российская власть прекрасно себя чувствует в условиях предсказуемости, при этом ход истории, уверен Ямпольский, движется ко всё возрастающей роли непредсказуемости. Демократия будто мешает порядку, так как невозможно предсказать, сколько людей и когда выйдут на улицы. Неудача объявленной в конце 2000-х модернизации Ямпольский связывает с категорическим неприятием даже малой доли случайности, но именно случайность делает возможным новое.

Ямпольский связывает такое разделение общества с сохранением у нас старого марксистского мышления. Маркс и Ленин, как известно, отрицали спонтанность человеческого поведения. Поступки человека в таком понимании не являются свободными – они полностью определяются материальными условиями существования. Ориентированность советского общества на этику Ямпольский соотносит не с окончательной победой идеологии Маркса, а, наоборот, с реакцией на официальный марксистский детерминизм. Например, Павел Корчагин так активно вовлечён в круг этических дилемм

не потому, что он является типичным советским типажом, а потому, что его образ продолжает традиции великой русской литературы.

Также в российском обществе с фрейдистской фигурой замещения связана истерическая реакция на всё якобы увеличивающейся в нём рост педофилии. Замещением объясняются и разъярённые патриотические возгласы о том, что приёмные родители-американцы издеваются над детьми из России. Не остается сомнения, что всё это – скрытые фрейдистские фигуры, как и риторика вокруг мифической оранжевой революции и в случае её успеха воцарения в России режима, управляемого непосредственно из Вашингтона. Всё это свидетельствует скорее о внутренних проблемах российского общества, нежели связано с реальной опасностью внешней угрозы.

Одним из главных тезисов Ямпольского является то, что любая партийная система больше не является выражением политического бытия человека, она – лишь способ обслуживать интересы: политика отчуждается от людей и становится (по выражению Макса Вебера) инструментальной. В статье «Пришло время отказаться от догматики партийной организации власти» Ямпольский приводит слова исследователя Михаила Острогорского, который считал, что единственным способом оздоровления политической системы является отказ от постоянных партий и переход к системе временных объединений, ориентированных на достижение какой-то конкретной цели. В современной ситуации провозвестником такого отказа может служить Интернет. Он важен тем, что он адекватен состоянию сегодняшнего общества. Интернет позволяет организовывать систему динамичных многосторонних связей, с помощью которых становятся возможными «временные партии» Острогорского.

Александр Смулянский – философ, социолог, исследователь современной критической и политической мысли, член редколлегии журнала «Транслит», убеждён, что вечные русские вопросы должны быть включены в более глобальный контекст, так как российская культура – только часть культуры европейской. Он утверждает, что современный европейский субъект неотделим от специфической публичной речи – «морализаторской, своевременной, судящей об актуальных проблемах» [2], а само понятие актуального изобретено в эпоху Просвещения, когда феномен современности был создан искусственно с целью «об этих ак-

туальных проблемах современности бесконечно говорить» [2]. Говорение об актуальном – особый тип речи, скрывающий «истину бытия» (выражение М. Хайдеггера); к тому же это вина, которую испытывает человек по случаю факта такого скрывания.

В эссе «Психоанализ в эпоху желания речи» одной из главных характеристик современной культурной ситуации Смулянский называет борьбу с репрессивной властью, в своих примитивных формах принимающую образ борьбы с властью политической, отчего любая речь, произнесённая публично, в такой культуре мыслится как дань «Большому Другому», то есть той же репрессивной власти. Смулянский видит в этом парадокс: как может одновременно существовать культура, так сильно и последовательно отдающая дань репрессивной власти, и вместе с этим целая плеяда разоблачителей феномена «отдавания дани»?

Смулянский связывает любую морализаторскую речь, в которой человек утверждает, что он обладает смыслом, духовностью, постоянно резонируя и подчёркивая своё здравомыслие, с ещё одной попыткой преодоления зазора между «сокрытой полнотой бытия» и вечной нехваткой, которая сопровождает человека на протяжении его жизни. В категориях Лакана поиск наслаждения, проявляющийся в публичной интеллектуальной речи, вечно претендующей на то, чтобы быть речью не менее значимой, чем та, которая отличает философа, публициста, проповедника, есть Желание, которое является наиболее общим и неопределяемым понятием, ведущим своё начало от желания Фрейда, но не имеющим под собой конкретной физической, сексуальной подоплёки. Поэтому-то и вечные споры о посткапиталистическом исчерпании истории (конец истории у Фукуямы), связанные с падением коммунистических режимов и начавшейся после этого победной поступи капитализма и глобализма по планете, по Смулянскому, – *тупиковая ситуация, навязчивая жажда публично рассуждать, круговая порука, последний бастион, после взятия которого европейскому субъекту уже будет некуда отступать* [2].

В статье «Власть и невозможное» (журнал «Транслит») Смулянский констатирует, что современный интеллект трудится только в одном направлении – подтверждает известный тезис о том, что любая «власть репрессивна и травматична». Так в средневековой философии, замечает публицист, пускались в тончайшие рас-

суждения ради единственной цели доказательства того, что Бог существует, а вся сложность философских построений существовала ради одного этого доказательства. Но разговоры о власти (это известно ещё со времен Фрейда) – только субститут темы секса и отправления естественных нужд, то есть, склонен полагать Смулянский, любая критическая мысль сегодня неизбежно находится в отношении к функции Желания. Тот же, кто рассуждает о тоталитарности, идеологической манипулятивности, запрограммированности, сам становится частью этой запрограммированности. Смулянский не отрицает наличия ужасов, связанных с тоталитарным проявлением, и нисколько не преуменьшает репрессивный характер власти, подчёркивая при этом, что упорство, с которым современный русский интеллигент доказывает тезис о репрессивности власти, гораздо больше связано с упрощением себя в бытии каждого отдельного человека, а не с заботой о справедливости мироустройства.

Итак, процесс принятия (или неприятия) постмодернизма продолжается в русской культуре последние двадцать пять лет. Но эти волны возрождения и смерти предсказаны самими же публицистами – таковы законы развёртывания хаоса. Да и сама постановка вопроса о смысле чего бы то ни было, будучи подвергнута лингвистическому анализу, приводит к однозначному выводу о том, что потребность в отсутствующем смысле имманентно присуща человеку. При этом начальный смысл подобного вопрошания связывается в философии русского постмодернизма скорее с жертвоприношением Логосу, нежели с существованием какого-либо предзаданного смысла. Дискуссия о постмодернизме не раз ранимровалась в отечественном философском дискурсе. В статье показаны признаки пребывания России в так называ-

емой «ситуации постмодернизма», хотя, по механизму фрейдовского отрицания, наличие такой ситуации может яростно отвергаться. Вместо тупика мысли постмодернизм в таком рассмотрении предстаёт в качестве некоего «феникса», саморазвёртывающегося и постоянно обновляющегося.

Нами проанализированы основные идеи именно русского постмодернизма, показана важнейшая функция философских публицистических текстов – функция предсказания будущего. Но зачастую прогнозы относительно исторического развития России оказываются пессимистичны. Неустрашимость фактора коллективного бессознательного, скрытого от глаз семиотического механизма, ведёт у публицистов русского постмодернизма к разочарованию в человеке, к подрыву веры в прогресс, к примиренности с уже существующей историей. Это влечёт за собой появление радикальной идеи о бесполезности задавания любых «вопросов о смысле», в которой получают воплощение представления о «конце времени» и «конце истории». Более того Александр Смулянский связывает говорение об актуальном (а, как известно, сама публицистика является одной из форм постановки актуальных проблем) с бессознательным процессом, по терминологии Мартина Хайдеггера, «скрытия истины бытия».

Список литературы

1. Липовецкий М.Н. Русский постмодернизм. Очерки исторической поэтики. – Екатеринбург: Издательство Уральского государственного педагогического университета, 1997. – 144 с.
2. Смулянский А. Психоанализ в эпоху «желания речи». – URL: http://prev.lacan.ru/articles/psihoanaliz_v_epohu_welaniq_rehi.html (дата обращения: 10.12.2016).
3. Эпштейн М. Грамматика переходности / Сетевой журнал «Дар слова». – № 132. – URL: <http://www.emory.edu/INTELNET/dar132.html> (дата обращения: 10.12.2016).